

Т. Ф. Шумарина, Пен Бинь

Эмотивно-оценочная интерпретация свойств человека в русской и китайской языковых картинах мира

В статье представлен лингвокультурологический анализ единиц лексико-тематической группы внешности человека в современном русском языке на фоне китайского языка. Исследованы национально-культурные особенности семантики, прагматического компонента значения сопоставляемых лексических единиц.

Ключевые слова: русский и китайский языки, языковая картина мира, национально-культурные особенности, метафора.

В учебниках РКИ для начального этапа обучения тексты для чтения и упражнения к ним включают различные описания, в том числе внешности и характера человека, однако преимущественно на основе слов с прямым значением. В методических указаниях к изучению курса русского языка иностранцами темы “Внешность человека” и “Характер человека” также содержат в основном стилистически нейтральную лексику, а именно: фигура — *стройная, худощавая*; лицо — *круглое, миловидное*; нос — *длинный, прямой* и т. д. Образные описания единичны: нос

— *орлиный, картошкой, уточкой*; губы — *сердечком, бантиком*. А между тем нельзя забывать, что речь человека, хорошо знающего русский язык, должна быть богатой, эмоциональной, выразительной, что и обуславливает необходимость уделять особое внимание формированию навыков образной речи, в том числе и при описании человека. Важное место в учебном процессе должны занять упражнения, специально предназначенные для интенсификации процесса овладения русскими эмоционально-выразительными средствами, для сопоставительного анализа с целью выявления универсалий и расхождений.

Результаты теоретических исследований по билингвальному сопоставлению эмоционально-образных средств могут найти практическое применение в переводческой, а также в лексикографической деятельности, например, при создании словаря ложных друзей переводчика. Данные, полученные в ходе сопоставительного анализа метафорического словесного портрета, выполненного носителями русского и китайского языков, могут быть использованы в габитоскопии для идентификации личности по двум (данным русским и китайцем) описаниям внешнего облика без вести пропавшего лица европеоидного или монголоидного антропологического типа.

В силу того, что значение этноцентрично, для этих описаний неизбежны значительные расхождения и противоречия. В этой связи представляется целесообразным изучение типичных моделей, с помощью которых характеризуется внешность европеоидного и монголоидного антропологического типа.

Для реализации целей сопоставительного анализа был проведён эксперимент. Задание состояло в следующем: информантам надлежало описать черты лица человека, изображенного на картине. В виде наглядного материала предлагались портрет И. И. Левитана, выполненный В. А. Серовым, и портрет Ф. М. Достоевского кисти В. Г. Перова. Монголоидная раса описывалась по фотографии южного китайца из Гуанси.

После выборки метафорических номинаций и их систематизации были получены следующие национальные характеристики. При описании европеоидной внешности, данным русским и китайцем, совпадения отмечены в обозначении носа: *орлиный*; монголоидной — глаз: *рыбьи*; совпало также представление об образном обозначении кожи: *мраморная*. На первый взгляд, идентичной представилась и номинация губ: *вишня*. Однако последующая семантизация проявила национальную специфику русского и китайского ЛСВ, вследствие чего они получили квалификацию семем — полных дивергентов, так как русская лексема характеризует цвет, а китайская — размер (маленькие). Национально-специфические китайские метафоры отмечены в обозначении бровей: у европейцев брови характеризуются по форме: *горизонтально расположенная цифра 8*, а у китайцев — по степени толщины: *листья* ('тонкие') (в русском словоупотреблении обычно используется иной образ: *ниточкой*). Эти образные номинации хотя и не входят в систему русского языка, но достаточно информативны для составления портрета разыскиваемого лица. Примечательным является тот факт, что китайцы, говоря по-русски, для характеристики носа одинаковой формы у представителей разных рас использовали разные метафоры: для европейца это *картошка*, для азиата — *чеснок*.

По-разному восприняли представители разных рас одну и ту же форму лица: китайцы — как *квадрат*, русские — как *овал*. Хотя причина подобного различия могла заключаться в том, что китайские информанты затруднялись подобрать адекватное русское слово для обозначения данной формы лица, а может быть, на выбор номинации повлиял тот факт, что "квадратным" в китайском языке называется красивое мужское лицо и именно так оценили информанты внешность изображенного на портрете И. И. Левитана. В целом же метафорическое описание внешности, а логично предположить, что и характера человека, оказалось подверженным сильному влиянию семантической системы родного языка. Причём у китайской стороны интерференция отмечалась как в описаниях соплеменников, так и представителей европеоидного типа. У русских, естественно, продуцировались метафоры, функционирующие в границах языковых норм родного языка: глаза — *миндалевидные*, волосы — *волнистые*, губы — *бантиком*.

В результате наблюдений было также выяснено, что в русско-китайских параллелях существует три типа отношений между семемами, а именно: семемы-корреляты, семемы-дивергенты (частичные и полные) и безэквивалентные семемы.

В русском и китайском языках совпадает семантика целого ряда номинаций, связанных с животным миром, напр.: *медведь, лиса, попугай, осёл, орёл, обезьяна, пчела, ворона, павлин, петух*;

аналогичное русским метафорам значение имеют в китайском языке и выражения *бульдожье лицо*, *пороссячи глазки*, *орлиный взор*. Совпадают в обоих языках при описании внешности и другие прилагательные: *восковая (кожа)*, *ангельский*, *железный*, *каменный*, *свинцовый* и др.

Некоторая часть метафорических описаний человека идентична не по всем составляющим её ЛСВ. В ряде случаев структура одной из национальных лексем шире, а другой уже. Так, например, ЛСВ *заяц* — «трусливый человек» тождественен в русском и китайском языках. Но в китайском слове присутствует ещё одна семема, тоже характеризующая человека: «симпатичный». Лексема *сальный* (волосы), помимо общего с русским языком значения, имеет в китайском дополнительный ЛСВ, указывающий на человеческую слабость: «ленивый», а *мраморный*, кроме кожи, в китайском языке может охарактеризовать ещё и характер: «дипломатичный».

Национально-культурные различия в восприятии окружающей действительности нашли своё отражение в лексической системе двух языков в виде несовпадений, положенных в основу образов и их оценок.

Весьма показательными в этом смысле являются описания людей, характеризующихся как *иезуит* и *инквизитор*. Если это описание будет производиться в русском языке, то *иезуит* окажется коварным, лицемерным, вероломным, а *инквизитор* — подозрительно-испытывающим, беспощадно-жестоким. В китайском же языке *иезуит* — «добродушный человек, всегда готовый прийти на помощь людям»; лексема *инквизитор* имеет не менее позитивную оценочность — «справедливый», «благородный», «праведный», «честный», «порядочный».

Определённого внимания заслуживает метафорическое обозначение *глаз*. При их описании и в русском, и в китайском языках может использоваться цветовая лексика, но даже один и тот же цвет порождает у двух народов разные представления. Так, в русском языке выражение *красные глаза* используется для описания уставшего человека, в китайском так называют завистника. *Чёрные глаза* — выражение, которое в китайском часто употребляется для описания красивого человека, в русском это характеристика людей, обладающих колдовскими чарами, а также символ несчастной любви. Зооморфизмы, используемые для описания глаз, также обладают национально-культурной спецификой. *Кроличьи глаза* — в китайском это глаза больного человека, в русском же — глаза альбиноса, что совершенно не свидетельствует о нездоровье. *Рачьи* — в русском — выпученные, в китайском — маленькие; *кошачьи глаза* — в русском языке выражение имеет скорее негативную оценочность, хотя есть и позитивная (способность видеть ночью), в китайском эта метафора ассоциируется с обладателем пронизательного взгляда. *Рысьи глаза* — в представлении русских — «хищные», «холодные», «раскосые», в китайском языке семема «хищный» отсутствует, это просто способ описания хитрого взгляда. Кроме того, в китайском языке на основе сходства формы, цвета, общего впечатления при описании глаз функционируют также следующие метафоры: *глаза льва* — жестокое выражение, которое глазам придают складки на веках, *глаза волка* — жестокие глаза неблагодарного человека, *глаза тигра* — используется для описания жестокости во взгляде, несмотря на то, что в целом зооним *тигр* метафоризируется в китайском языке с позитивной оценочностью — «о смелом, храбром человеке». *Глаза дракона*. Дракон — это символ власти, счастья, расцвета. В древнем Китае дракон — это символ императора. Император — сын дракона. А в современном Китае дракон символизирует китайский народ, жителей Китая как потомков дракона. И потому если о ком-то говорят, что у него *глаза дракона*, то это значит, что у него большие властные глаза, источающие могущество.

Если сопоставить описание *лица* в русском и китайском языках, можно заметить, что и здесь в основу характеристик кладутся разные представления. Так, выражение *лошадиное лицо* в русском языке характеризует форму, а в китайском — эмоциональное состояние («сердитый»); *обезьянье лицо* в русском отражает эстетическое впечатление, а в китайском — характер («хитрый», «коварный», «умный»). Есть в каждом из языков для передачи эстетической характеристики лица и специфические номинации, отражающие эталонные представления нации. Так, в китайском языке позитивно-оценочной оказывается характеристика *квадратное лицо*, что противоречит эталонным представлениям русских; *полное лицо* — так говорят китайцы о злом человеке, в отличие от русской символической системы, где со злостью ассоциируется худоба, а с полнотой — доброта. Внешняя привлекательность в китайском языке передаётся весьма самобытно и почти не повторяет русские образы, разве только сравнение с ангелом или цветком. Китайские позитивно-оценочные наименования — это лицо «в форме утиного яйца» или «семени арбуза».

По-восточному эмоциональны и выразительны фразеологизмы, воспевающие красоту лица молодой девушки, — её лицо своей красотой способно “затмить луну и посрамить цветы”; она так хороша, что “даже рыбу заставит погрузиться вглубь, а (летащего) гуся опуститься на землю”.

Национально-специфической особенностью китайских эмоционально-образных характеристик является наличие в метафорических номинациях сочетания образов, например: орлиный профиль — изображается как нос орла и крюк; признак ‘коварство’ при описании коварной красавицы создаётся путём сочетания образа змеи и скорпиона, ‘трусость’ передаётся образами мыши и зайца, ‘красота’ — цветка и яшмы (‘минерала, характеризующегося разнообразием красок’), а ‘стойкость’ — сосны и кипариса. Наличие двух признаков, выполняющих функцию уточнения по типу синонимии, отмечается в китайском языке не только в метафорах-лексемах со значением лица, но и во фразеологизмах, построенных на основе метафоры. И такие случаи в китайском языке достаточно частотны: *спина тигра и поясница медведя* — ‘о богатырском телосложении’, *живой дракон и живой тигр* — ‘об энергичном человеке’, *палка и кости* — ‘о крайней худобе’. Сопоставление с русской фразеологией позволяет констатировать определённые расхождения в национальных образованиях: если китайские фразеологизмы построены на основе расчленённых понятий, то русские лексемы, составляющие фразеологизм, — синкретичны (*кровь с молоком, мешок с костями*) и объединяются в целое на основе принципа эмерджентности.

Структура китайских образных обозначений внешности и характера может быть не только двух-, но и трёхкомпонентной. Так, для определения социальных параметров богатого уважаемого человека в китайской языковой картине мира используется комплекс образов, связанных с символическим значением *магнолии, жасмина и пиона* (древовидного), а обладатель “горячей крови” может быть охарактеризован фразеологизмом, включающим лексемы *сосна, бамбук, слива*.

Число фразеологизмов-характеристик, построенных на синонимической основе и характерных для китайской фразеологической системы, в русском языке крайне ограничено. В отличие от китайского языка, в русской фразеологии данного типа предпочитается противопоставление: *ни рыба ни мясо, ни в городе кафтан ни в селе Селифан, правой рукой строит, а левой разрушает*. Образования подобного типа встречаются и в китайской фразеологии: *белые волосы и детское лицо* (о бодром старике).

Специфически китайским представлением о мире (при сопоставлении с русским) можно считать наличие множества образных характеристик физических и психических свойств человека, созданных на основе флористической лексики. В русском языке подобные метафоры немногочисленны и характеризуют в основном внешние признаки объекта (*березка, дуб, персик* (о цвете лица), *картошка* (нос), *нарцисс*) и лишь в единичных случаях — моральные качества (*лопух*). Хотя в сфере имён прилагательных подобных образований насчитывается достаточно большое количество, но это число в основном составляют метафорические обозначения цвета (*соломенные, пшеничные, каштановые* (волосы), *оливковая* (кожа), *свекольный* (румянец) и сложные образования с радикалидом: *грушевидное лицо, миндалевидные глаза*).

Китайская же образная характеристика, созданная на основе флористической терминологии, направлена скорее на внутреннюю, психическую организацию человека и охватывает практически всё царство растений — деревья, кустарники, цветы и даже овощи (например, ‘постоянство в характере’ ассоциируется у китайцев с образом спаржи). Метафорически охарактеризовать личность способны даже отдельные части растений, например *цветы персика, цветы сливы* (‘о крепком, сильном, но изящном человеке’).

При сопоставлении с китайским языком оказывается, что к числу немотивированных лакун русского языка относится обширный массив общеупотребительной флористической лексики, которая по степени активности употребления в русской речи потенциально вполне приспособлена для образования метафорических ЛСВ со значением лица. Однако реализация этой возможности осуществилась лишь на материале китайского языка. Межъязыковые расхождения по наличию метафорических ЛСВ отмечаются прежде всего в группе ‘наименование цветов’: *сирень* — ‘застенчивость, стыдливость’, *китайская гвоздика* — ‘скромность, сентиментальность’, *сосна и бамбук* — ‘непоколебимость’, *маргаритка и зелёный бамбук* — ‘душевная чистота’, *лилия* — ‘чистоплотность’. ‘Сила в характере’ определяется посредством уподобления *гладиолусу*,

а 'терпение и выносливость' — *тростнику*. Многие китайские названия растений, аналогично русским зооморфизмам, обладают не одним характерным признаком, а несколькими, и их конкретный состав делает номинацию индивидуально-неповторимой, даже при наличии синонимов: 'изящество и изысканность' олицетворяют в китайской картине мира *василёк* и *колокольчик*, но каждый из них имеет специфические признаки: *колокольчик* — 'вспыльчивость', а *василёк* — 'красоту, тонкость'; 'физическую силу, мощь, крепость' китайцы соотносят с образами *бамбука*, *одуванчика* и *верблюжьей колючки*, но при этом *бамбук* ассоциируется также с 'непоколебимостью', а *одуванчик* — 'со способностью к адаптации', *зелёный бамбук* и *лотос* связываются с чувством 'благородства', но *бамбук* — это ещё 'душевная чистота', а *лотос*, который, кстати, в Китае считается священным растением, символизирует такие позитивные качества человека, как 'искренность, свежесть и красота' (ср. в русском языке семантические варианты метафорических ЛСВ *аспид*, *ехидна* и *змея*; *корова*, *слон* и *тюлень*; *ишак*, *осел* и *корова*).

Для русской языковой личности далеко не все китайские метафоры прозрачны в семантическом отношении. Так, не ясно, какой доминантный признак *колокольчика* породил ассоциацию с человеком, обладающим вспыльчивым и дурным нравом, и почему меланхолики и сентиментальные личности уподобляются *китайской гвоздике*. Подобное затруднение испытывают и китайские переводчики, сталкиваясь в своей профессиональной деятельности с русскими национально-специфическими лексемами-зооморфизмами *акула*, *зубр*, *гусь* и под.

Некоторые китайские образные характеристики основаны на названиях растений, не вошедших в состав русской лексики даже на правах экзотизмов, как это произошло с лексемами *бамбук*, *тростник*, *восточная вишня*, *лотос*. В русском языке подобная флористическая лексика позиционируется как узкоспециальная ботаническая терминология и относится к сфере ограниченного употребления. В китайской же речевой коммуникации номинации типа *ликорис лучистый* или *китайская коробка* столь популярны, что даже развили переносное значение: *ликорис* — 'прекрасный, но и одновременно нелюдимый', *китайская коробка* — 'крепкий и стойкий человек'. Особого внимания в силу своей культурно-языковой специфичности заслуживает образное значение, которое несет номенклатура *алый гаолян*. Это растение семейства злаковых, вид сорго, возделываемый в Китае и русскому среднестатистическому носителю языка практически не известный; в русской лексической системе слово функционирует на правах экзотизма. Среди эмоционально-образных средств китайского языка данное метафоризированное сочетание занимает видное место и символизирует образ жителей северной части Китая, которые, в отличие от южан, характеризуются как прямодушный, прямолинейный народ.

Итак, лексика, используемая при описании человека, составляет важный фрагмент языковой картины мира в разных языках, в том числе в русском и китайском. Национально-культурная специфика метафорического обозначения физических и психических свойств личности основывается на национальном своеобразии видения мира народами разных национальностей.

Системное изучение подобных единиц расширяет наше представление о лексической системе каждого языка и позволяет сделать выводы относительно сходств и различий в русской и китайской языковых картинах мира, что, в свою очередь, способствует интенсификации процесса преподавания РКИ, достижению адекватности русско-китайского перевода и оптимизации габитоскопической деятельности.

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 5 – 21.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.

T. F. Shumarina, Pen Bing

EMOTIVE AND EVALUATIVE VERSION OF A MAN'S CHARACTERISTICS IN RUSSIAN AND CHINESE WORLD LANGUAGE PICTURE

The article represents the linguistic and cultural analysis of the man's appearance lexical units in modern Russian and Chinese. The authors analyzed nationally cultural components of semantics and pragmatic meaning's component of the compared lexical units.

Key words: Russian and Chinese, world language picture, nationally cultural peculiarities, metaphor.

Т. Ф. Шумаріна, Пен Бінь

ЕМОТИВНО-ОЦІННА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ВЛАСТИВОСТЕЙ ЛЮДИНИ В РОСІЙСЬКІЙ ТА КИТАЙСЬКІЙ МОВНИХ КАРТИНАХ СВІТУ

У статті подано лінгвокультурологічний аналіз одиниць лексико-тематичної групи зовнішності людини в сучасній російській мові на фоні китайської мови. Досліджено національно-культурні особливості семантики, прагматичного компоненту значення порівнюваних лексичних одиниць.

Ключові слова: російська і китайська мови, мовна картина світу, національно-культурні особливості, метафора.